Д. Г. ДЕМИДОВ

Из истории имен всеобщего пространства «земля», «вселенная», «мир», «свет»

Синтагматика. Основные синтаксические позиции[1], в которых употребляются слова *земля* (З.), *вселенная* (В.), *мир* (М.), *свет* (С.) в значении всеобщего пространства — объект (прямой и адресат), предикат, субъект, а также "начальный, промежуточный или конечный пункт" и "место". Среди семантически зависимых слов наиболее показательными оказываются пространственные характеристики. Наиболее полно различают семантику рассматриваемых слов употребления их в одном контексте друг с другом или с некоторыми другими ключевыми существительными (*небо, царствие, мѣсто*).

В старославянских и следующих их примеру русских текстах[2] говорится 1) при субъекте — боге: *основати* В. и З., *сло-*

---

[1] Синтаксические позиции понимаются семантически, поэтому, скажем, в сочетании *бытие мира* рассматриваемое слово сохраняет позицию субъекта, а в сочетаниях *суета мира, край свѣта* — позицию определяемых.

[2] Синайская псалтырь (Изд. С. Северьянов. — Пг., 1922 (Пс.); Мариинское четвероевангелие (Изд. И. В. Ягич. — Спб., 1883 (Ев.); Амфилохий. Словарь из Пандекта Антиоха Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. — М., 1880 (Сл. Панд. Ант.); Индикоплов К. Книга глаголемая Козмы Индикоплова. — Спб., 1886 (К. Инд.); Полное собрание русских летописей.— М., 1962.— Т. 1. (Полн. собр. русск. лет.); все летописи, жития, повести и хождения XI—XV вв., опубликованные в серии «Памятники литературы Древней Руси» (Пам. лит. Др. Руси).

жение З. и М., *сътворити* З. и *творение* М., *положити на водах* З. и (позже) С., но *утвръдити на водах, съдЬлати, дати сыномъ человЬческомъ (небо и)* З., *създати* В., *съвокупити весь* М., *съставити, поновляти малый* М.; *судити* В., З. и М., *исправити* В. и *направляти* М., но *възлюбити, обличити, побЬдити, искупити, спасти* М., *освЬщати* (о молнии) В., *призвати* (чтобы судить) *небо* и З.; *напаяти* В., *исплънити, наполнити (плоды, винограды)* З.; *кормитель, учитель, богъ* В. и М., но *питатель, царь, учитель* В., *творець, господь (небу и)* З., *свЬтитель, свЬтило, свЬтилник, казатель* М., в значении адресата (в форме Дат. пад.) *явитися* З. и М., но *дати живота, живодавець, отець, есмь свЬтъ, глаголати, подавати плод умный* М.; 2) при субъекте — святом: *госпожа, святые* В. (но *князь* М. *сего* "дьявол"); в значении адресата (о пророке) *показати* М.; 3) при субъекте — человеке: *мЬстописание всего* М. и *написати, расмотрЬти* В., *наследити* З. и *приобрясти* М., но *искушати лице небу* и З., *прельщатися* М. *сего;* 4) при субъекте — царе: *поколебати* В., М. и С., *смести, прияти* В. и С., но *разделити* В., *обладати всим* С.; *государь* З. и С., но *царь, господин, самодержець, кровник всему* С. Как видим, в случае упоминания акта творения для З. подчеркивается ее физическое расположение, для М. — факт составления из частей, для В. сообразно внутренней форме (страдательное причастие) — творческий акт. Наиболее широкая гамма волевых воздействий представлена для М., причем, в отличие от других имен всеобщего пространства, при М. употребляются глаголы, требующие у имени метонимически связанного с «местом» значения «люди, населяющие это место» (в греч. во всех наших примерах kosmos). Такое же значение необходимо и в позиции адресата, в которой употребляется чаще М. Слова В. и З., наоборот, предполагают физическое воздействие. Эти отношения сохраняются и при именах действователя с той только разницей, что В. ведет себя здесь не как З., а как М.; В. и М. употребляются и при субъекте не-боге (З.— лишь спорадически). Характерно, что для С. в позиции объекта субъектом может выступать только человек, но не бог: по библейским представлениям свет был создан прежде всего и тождествен богу.

В позиции субъекта рассматриваемые слова распределены толковании символов, а С. вообще не встречается. Более характерна эта позиция для производящих непространственных значений слов С. и М. Редкие формально зависимые от В. слова актуализируют глагольную внутреннюю форму В.: «Вьселеныя славы твоея» (в греч. topon skenomatos dokses soi) — Сл. Панд. Ант., гл. 87, л. 189 об..

В позиции предиката З. и М. встречаются только при истаким образом: З., М., С. *стоитъ*, но З. *повЬшена, есть четвероугольна, есть* и *бытие, мЬстоположение всего* М.. С. *съдержится, да будет;* В., З. *създася,* З. *съвершися, начяло* М. и *(белый)* С.

зачялся; М. *имат конець, всему* С. *погинути и опустЬти, небо и* З. *преидет, мимоидет;* В. *не может тебЬ укрыти, ни всему* М. *въмЬстити книг, не может понести, не имат их весь* М., З. *есть подножие, есть внутрь небеси;* З. *потрясеся, възгреме, подвижася;* В. *подручна ми есть, предасться,* З. *есть твоя, наша, есть мати; сий* С. *ничтожен есть;* В., М. *възрадовася* и З. *радуется,* В. *вЬрует* и М. *вЬру имет.* В. *полна есть имени моего* и М. *не позна, разумЬет* (бога), *всеи* В. *вЬдом (град)* и М. *не видит,* но З. *убоится,* М. *любил бы, възненавидЬ, ненавидит, по нем поидет, не может прияти (духа свята);* М. *не может оскорбити, не удолЬет, не достои бЬ; грехи, животъ, смирение (всего)* М. Слово В. не сочетается с глаголами бытия-местонахождения в субъектной позиции, вероятно, этому сопротивляется страдательная форма отглагольного имени В.— "то, что заселено"; с З. связаны более конкретные пространственные предикаты, только З. может быть подвержена физическим движениям. Вре́менность подчеркивается для М. и С.; З. употребляется в этом случае только в сочетании с *небом.* Предикаты показывают, что персонификация В. и З. развита гораздо слабее, чем у М., а у С. его нет совсем. Таким образом, позиции субъекта и объекта у М. резко различаются с этими позициями у В., З. и тем более у С. в сторону метонимического переноса на "активного деятеля, людей". Это в какой-то степени объясняет, почему для перевода греческого пространственного слова взято славянское *(вьсь)* М. "общество". Переводя священные тексты, Кирилл и Мефодий за простой персонификацией увидели реальное человеческое содержание.

Позиция со значением "начальный/конечный пункт" организуется на основе глаголов движения в прямом и переносном значениях. В. и З. в грамматическом значении "конечный пункт" встречаются при описании распространения христианства. В ситуации физического движения В. употребляется чаще при горизонтальном противопоставлении океану, вселенской реке, а З.— при вертикальном противопоставлении небу; субъектом движения в первом случае выступает человек, во втором — божественные силы. В отличие от *неба* и З. субъектом движения с *сего* С. на *оный* является человек. Сочетания *изити, отходити, избыти, лишатися сего* С., *преставитися, преселитися от сего* С. употребляются в русских текстах и неизвестны в Ев. и Пс., так как в последних герой не человек, но бог. Выражения *ити в* М., *бЬжати, оставити* М., *притекати от М.* (в монастырь) также касаются людей и становятся привычными вместе с распространением монастырей. Евангельские сочетания *грясти, ити, прити, посълати в (весь)* М., *оставити (весь)* М. относятся ко Христу и апостолам и лишь однажды — к человеку (Ио. XVI, 21). В контекстах не выражен источник, откуда совершалось движение, но по смыслу восстанавливается; обителище бога-отца (небо); пещера, храм; материнская утроба.

В позиции со значением "место" рассматриваемые слова встречаем при следующих предикатах: *заблуждатися и скрыватися, укрытися по* В. и *утаитися* (о чернцах) *при* М.; *тьма бысть по* З., *окрест* З. *есть воздух; быти на* З., *в* М. *(сем), в оном* С., *пребывати в* М., *жити по* В., *на* В., *на* З. и *в сем* С., *разитися по* В. *и расплодитися, умножитися по З., явитися на* З.; *проповЬдати евангелие по* В. и *в* М., *гласити по* В. и *глаголати в* М., *учити по* В.; *прослыти, похвала и слава по* В., *хвалити имя бога по* З., *слава моя по* З., *прославих тя на* З., *славен бысть в семь* М.; *царь сияет по* В., *царствовати на* З.; что-л. *во* В. *обретется, нЬсть на* З. *такого вида, нЬсть таковыя на сем* С.; *человЬк почтень есть, отпущати грЬхы, вЬра, мир на* З.; *свьтити в* М., *радоватися по всему* М., *колебание, молва бысть в* М.; *видЬти в* М. *сем, уповати ни о чем в* М. *сем; искати* что-л., *прияти веселье, устроити доброты, убогии створити в (на) семь* С., *горЬти в огне, прияти муку, узьрЬти мира, причьтити в (на) ономь (томь)* С. Эта позиция подтверждает выводы о преимущественно физических характеристиках З., однако З. активно употребляется и в тех же ситуациях, что и В. и М. Исключение составляет ситуация распространения христианского учения: место славы бога — и З., и В., но дальнейшая стадия — распространения евангелия — происходит только во В. Слово В., видимо, конкретнее указывает на обитателей мира — тех, среди кого распространяется христианство. С. развивает противопоставление *сей/оный* (С.) именно в позиции со значением "место", наименее из всех рассмотренных позиций зависимой от остального состава предложения, и, следовательно, высвобождающей этот лексико-семантический процесс.

Среди пространственных определителей наиболее универсальным оказывается показатель всеобщности *весь,* аналитически выражающий семантическую доминанту. С этим словом регулярно сочетаются все имена всеобщего пространства во всех позициях. Для М. слово *весь* первоначально не играло роли самостоятельного определения; это было вспомогательное слово, при помощи которого передавалась пространственность греческого kosmos (в отличие от eivene «покой», которое переводилось словом М. без *весь*). Весь М. было тождественно М., что показывает колебание по спискам. Ев. едва ли не каждого случая употребления *весь* М./М. В последующих текстах *весь* приобретает семантическую самостоятельность и используется для усиления всеобщности. *Весь* и *сей* (М.) — взаимоисключающие определения. Действительно, *сей* М.— это и есть *весь* М., так как сочетания *тот, оный* М. (в отличие от *оный, тот* С.) в древнерусском не было (ср.: «НЬции же глаголють, не быти в мирЬ семь аггеломъ, но в небеснЬмъ и вышнемъ мЬстЬ».— К. Инд., с. 165—166). Известно лишь единичное *будущий* М. (К. Инд.). *Конець* также сочетается со всеми рассматриваемыми именами, но сочетания *конець* В., З. имеют пространственное

значение, а *конець* М., С.— временно́е значение. В народной речи С. скорее выполнял функцию В., отсюда *край, конец* С. в пространственном значении и его фразеология со значением "далеко" [3, с. 128]. Известно *начяльствие, двЬ чясти* В. Этим ограничиваются пространственные определители слов В., М. и С. З. же характеризуется намного детальнее: а) пространственными атрибутами *краи, прЬдЬлы, онъ полъ, сь, она страна, (вьсе) лице, среда лице, бездны, долнеишая* (ад), *сердце* (Матф. XII, 40), *среда, средо, пуп, круг; сЬверная чясть* (позже *сторона*) З.; б) пространственными параметрами *величество, широта, высота, долгота* З. В своей пространственной определенности З. намного впереди других имен всеобщего пространства.

Зато качественных семантических определений у З. почти нет, а у В. вовсе нет (качественность заложена в самом слове В.), в отличие от М. и С.: *образъ* М. и З., *(вся) краснаа* З. и М. *сего, красота, слава* М. *(сего)*, С. *сего, (житейскые) печали* М. *сего* и С. *сего, имениа прелестнаа всего* С. и *прелесть* М. *сего, суета, множьство* М., *богатьство и слава, честь и слава*, С. *сего, суета, множьство* М., *богатьство и слава, честь и слава, радость, сладости, сласти, вся сладкая, благая, скверная* М. *сего; соль* З., *прелестный, суетный, мечетный, маловременный, тлЬнный, поднебесный, красный* С. *сей*. Приведенные сочетания ярко свидетельствуют о более строгом понимании М. как пространственной субстанции, чем С.: при М. не могло быть качественных определений в форме прилагательных, как и у В. и З. Слово С. же по своей внутренней форме "особое божественное вещество", но именно "вещество" у существительных вызывает определения-прилагательные. Кроме того само противопоставление сего света оному уже предполагает качественную оценку.

Анализ материала в разных позициях показывает одну и ту же ярко выраженную градуальную последовательность от физического к высшему, духовному; от пространственно более определенного к пространственно менее определенному: З.— В.— М.— С.

Сочетания слов в одном контексте:

1) М.— З. «И явись во всей земли славенъ богъ въ мире о ХристЬ Иисусь».— Девгениево деяние//Пам. лит. Др. Руси. XIII век.— М., 1981.— С. 58. «Азъ прославихъ тя на земли... и нынЬ прослави мя ты отче у тебя самого. славою юже имЬхъ. прЬжде даже не бысть миръ (весь миръ — зогр., ассем., ник.) у тебе».— Ио. XVII, 4—5. Если бог только *является на* З., *то славен в* М., если *славен на* З., то М. оценивается уже как временна́я субстанция. В системе Козьмы Индикоплова М. понимается как целое, а З., *океан, небо, твердь* — как его части.

2) З.— В.— излюбленное сочетание в Пс., причем З. всегда стоит перед В. (Пс. 18.5, 23.1, 32.8, 88.12, 89.2, 95.12). Такая позиция и общее содержание контекстов указывают на то, что при

столкновении З. и В. З. — место, а В. — качество. Ср.: «Но иже у нас вселенЬи быти; на сЬверныа части земля имЬа виталища многа».— К. Инд., С. 149, а также «вселеньская З.» (например, в «Александрии»). Отсюда возможность понимания В. как части З. (К. Инд., С. 149) и З. как части В.: «Тако убо в семъ видЬ вселеннаа еа части; въсходя убо солнце от въсток... и къ земли являяся».— К. Инд., с. 66. С утратой качественности у В. осталась только вторая возможность.

3) М.—В. В Пс. 71.7 В. следует за М. и конкретизирует это слово.

4) М.— С. Традиционные сочетания используют С. в непространственном значении и М.— в пространственном (Матф. V—14, Ио. 1—9, III—19, VIII—12, IX—5, XI—9, XII—46); везде утверждается мысль о неземном, нечеловеческом происхождении света. Обратное отнощение — С. "место" и М. "не место" — плод самостоятельного творчества: «...оже ли кто вас не хочеть добра ни мира хрестьяном а не буди ему от бога мира узрЬти на оном свЬтЬ души его».— Письмо Владимира Мономаха// Полн. собр. рус. лет.— М., 1962.— Т. 1.— Столб. 255. Если оба слова в пространственном значении, то М. на первом месте: «...егда бо весь миръ и свЬтъ приимеши, и к тому господарьства своего и отечества не узриши».— Александрия//Пам. лит. Др. Руси. Вт. пол. XV в.— М., 1982.— С. 108. Здесь в сочетании *миръ и свЬтъ* М.— с точки зрения внутренней организации людей. С.— с точки зрения внешней среды (ср. *честь и слава, стыд и срам*).

Известно *царствие* В., М., С., *тварь, языци* М. З. как имя физической субстанции в таких сочетаниях не участвует.

МЬсто встречается в одном контексте с В., но особенно с М., что типично для К. Инд. (*мьста мира* и др.), что подтверждает наличие признака членимости в слове М.

Деривация. В. и М. явились результатом ментализации (термин Е. М. Верещагина) под влиянием греческих текстов, З. и С. уходят своими корнями в мифологические времена. Идеологические условия появления имен всеобщего пространства М. и В. [1, с. 114; 2, с. 66] подтверждаются широким индоевропейским материалом: понятие всего мира всегда связано с жизнью, человеком [13]. Внутренняя форма М. и сейчас хорошо осознается и актуализируется в публицистике, художественной литературе. Так, в творчестве Л. Н. Толстого за основу берется *мир*-состояние и развивается до *мира*-вселенной (синонимы *общество, свет, согласие, земля*); в поэзии и публицистике В. Луговского, наоборот, из *мира*-вселенной извлекается *мир*-общество, состояние (синонимы *земля, свет, планета; вселенная, мироздание, земля* "страна") [5, 8]. В связи с перестройкой общественного сознания на научной основе В. утратило свою качественную внутреннюю форму и заменило ее новой количественной «народной этимологией» (от *весь*) [11, с. 38]. Представ-

ления о земле как всеобщем жизненном пространстве возникли еще в язычестве [6, с. 342]. По древним представлениям «свет, несмотря на бесплотность, есть субстанция» [9, с. 21], поэтому метонимический перенос на место, где разлита эта субстанция, легко объясним.

Необходимо заметить, что М. и С. стали притчей во языцех как примеры «распада полисемии», а З.— как пример серии «метонимических переносов» в литературе (в том числе, к сожалению, учебной) по лексикологии современного русского языка. Между тем, авторы, специально занимавшиеся словами М. и С., говорят об этом «распаде» гораздо сдержаннее: для М. справедливо обходят этот «вопрос» [8] или допускают только процесс распада [5], для С. относят этот распад к XIX веку и только на основании того, что в это время значение «вселенная» стало системообразующим, то есть образовало свои дериваты [10].

Реальная деривация значений представляется следующей:

Мир — 1. "дружелюбные отношения между людьми в семье" 1.1. "дружелюбные отношения между людьми в обществе", 1.1.1. "общество, община", 1.1.2. "состояние без войны" (регулируемое договорами), 1.1.1.1. "место жизни этого общества" (по Буслаеву).

Свет — 1. "то, что мы видим, но не предмет" (вещество); 1.1. "качество как субстанция" (по Потебне); 1.1.1. "особое божественное качество"; 1.1.2. "место распространения этой субстанции".

В отличие от М. и С. *земля* по происхождению и своему дальнейшему развитию — слово конкретное, поэтому его значения необходимо определять функционально [12, с. 234]. Земля — 1. "то, что нас держит и рождает" (лат. homo<humus, родств. *земля*); 1.1. "то, что рождает" (почва); 1.2. "то, что держит"; 1.2.1. "то, по чему мы ходим" (по чему не летаем — поверхность, по чему не плаваем — суша); 1.2.2. "то, что само покоится" (что потом стали называть планетой, искусственно перенеся точку зрения с человеческой на космическую); 1.2.2.1. "то, что на самом деле не покоится, а вращается вокруг своей оси и вокруг солнца" (терминологическое значение); 1.2.3. "то, чем мы вместе владеем" (страна). Таким образом, для слова З. характерны актуализации разных функций одного и того же, а не переносы по смежности.

Ставя на первое место выделенные в результате научной рефлексии значения «лучистая энергия» (С.), «совокупность, система всех форм материи» (М.), «третья от солнца планета» (З.)[3], современные лексикографы демонстрируют, кажется, без

---

[3] «Составители современных словарей отдают предпочтение первому (значению «планета» — Д. Д.), в основе которого лежит предельно широкое понятие (в плане языка — ЛСВ), последовательная конкретизация и сегмен-

достаточных оснований явление обратной соотнесенности[4]. Несмотря на все предостережения об энциклопедизме толкового словаря, наука распространяет свой авторитет и на такую интимную и традиционную сферу, как общеупотребительное значение слова. Необходимо сделать выбор: либо современные семантические связи конструируются исходя из логических отношений между понятиями, которые отражаются в слове, и тогда нет смысла сопоставлять их с историей слова; либо они выводятся из истории языка, строятся на основе деривации значений и корректируются современными контекстами.

Парадагматика. Главное противопоставление — З., В./М., С. по признаку «физическое — психическое». Оно возникло в результате наложения на древнейшее мифологическое З.— женский символ/С.— мужской символ ментализированного В./М. В истории З. и В., М. и С. попарно сближаются. Так, в XVIII в., с одной стороны, С., как прежде и М., стал обозначать "общество" (ср. *светский, мирской*); с другой стороны, появились выражения *тот, загробный* М. наподобие древнего *оный* С. Противопоставление З., С./М., В. по признаку «вещественное — невещественное», видимо, давно изжило себя и не является исторически перспективным. Противопоставление З., М./В., С. по признаку «человеческое — нечеловеческое» (по источнику) сейчас дает о себе знать только в производных значениях «человеческая страна», «человеческое общество»/«всеобщее пространство».

Список использованной литературы

1. Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1865. — Т. 1.
2. Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия//Отечественные записки. — 1851. Т. 87. Отд. II, июль. — С. 1—44; авг. — С. 45—78.
3. Ивашко Л. А. Пространственные фразеологические единицы в псковских говорах//Лексика и фразеология северно-русских говоров: Сб. науч. тр.//Вологодск. пед. ин-т. — Вологда. 1980. — С. 127—131.
4. Историческое словообразование русского языка. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1984. — 168 с.
5. Колбаско Б. Б. Значение слова мир и его синонимические связи в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»//Творчество молодых/Минский пед. ин-т. — Минск, 1978. — С. 61—67.
6. Липерт Ю. История культуры. — Спб., 1907.
7. Новиков Л. А. Семантика русского языка. — М.: Наука, 1982. — 272 с.
8. Петровичева Г. И. Существительное *мир* в поэзии В. Луговского//Межвузов. сб. науч. тр./Ярославск. пед. ин-т. — Ярославль, 1978. Вып. 170. — С. 66—71.

тация которого позволяет обнаружить естественную логику семантической структуры рассматриваемого объекта» [7, с. 155]. Содержание понятия здесь подменяется его объемом, а логика, основанная на научном понятии, объявляется «естественной».

[4] Обратная соотнесенность — это «развивающаяся зависимость производящего ...от производного» [4, 18].

9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М.: Просвещение, 1968. Т. 3.
10. Таранов Н. В. К системе значений слов *свет* и *тьма* в русском языке//Вопросы стилистики русского языка: Сб. науч. тр./Ульяновск. пед. ин-т.— Ульяновск, 1978. — С. 93—99.
11. Техника молодежи. — 1984. — № 6.
12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале русского языка). — М.: Наука, 1973. — 280 с.
13. Bernelle A. Le Monde//Vie et langage.— 1959, N 91, oct.— p. 507—513.

языке естественнонаучной лексики. «От первой трети XVIII века следует вести жизнь и историю таких русских физических терминов, как материя, вещество, тело физическое, протяжение, пространство» [1, с. 242]. Включение в семантическую структуру слова нового ЛСВ, связанного с обозначением физического понятия, привело к перестройке его значения, изменению его системных связей.

Многие из понятий естествознания уже имели свое выражение в языке, «правда, в языке были отражены «языковые понятия», обобщения, полученные в процессе не научного, практического познания мира. Но логически обработанные научные понятия физики легко накладывались на эти языковые понятия, а лексическое значение слова сливалось, смыкалось со значением терминологическим...» [1, с. 245].

Слово *пространство* как обозначение физического понятия должно было выйти на необходимый уровень абстракции. Сема «большой» для термина *пространство* являлась семой ограничивающей: класс объектов, обозначаемых словом, ограничивался теми, которые, с точки зрения носителей языка, можно признать большими: *космическое пространство, небесное пространство, эфирное пространство, мировое пространство, небо, воздух, атмосфера...*

Изъятие семы «большой» из значения термина позволило слову обозначать всякую «трехмерную протяженность», вне зависимости от ее размера.

Для физического термина были возможны такие сочетания, как *замкнутое пространство, малое пространство, большое пространство...* Как обозначитель физического понятия слово *пространство* получило расширенное значение, по сравнению с тем, какое было в обиходном языке. В конечном итоге произошло слияние этих двух смыслов слова в один — физический. Сначала, в XVIII—XIX вв., в языке образованных людей, а в нашем столетии — в языке всего народа.

Академические словари XVIII—XIX вв., ориентированные на язык образованной части общества, достаточно определенно отразили это в своих описаниях. Так, например, уже в САР *пространство* — «обширность», «место во все стороны протяженное» — Пространство государства. Малое, великое пространство. Всякая вещь известное пространство в мире занимает». В этом определении отразилась ситуация, сложившаяся к концу XVIII в.— в семантической структуре слова оказался ЛСВ «обширность», включающий в свое значение сему «большой» — элемент прежней семантической организации слова, и ЛСВ «место, во все стороны протяженное», не имеющий этой семы — элемент новой семантической организации слова.

В САР семантика слова *пространство* отражена фрагментарно. Более полно семантическая структура слова *пространство* представлена в материалах Л. Л. Кутиной. В XVIII веке, счи-